КАЛИФЪ–ХУДОЖНИКЪ.

Въ славныя времена знаменитыхъ калифовъ Египта и Аравіи, въ баснословныя времена великаго Гарунъ–аль–Рашида, сына Гади, внука Мохаммедъ–Магоди, правнука Абу–Джафаръ–ель–Машура, явился въ Багдадѣ правовѣрномъ гяуръ; иные говорили, что онъ былъ *джехудъ*, жидъ; другіе, что онъ *сагдіанъ*, огнепоклонникъ, индѣецъ; достовѣрно только то, что онъ былъ свѣдущъ въ чернокнижествѣ, и что ночь не смѣла, рѣдѣя, раступаться передъ зарею и заря съ востока расплываться всемірнымъ днемъ, — день не смѣлъ, померкая, угасать въ темной ночи, безъ мановенія этого чернокнижника. Извѣстно, что сатана, искушая учителя правовѣрныхъ Солеймана, и клевеща на него, зарылъ подъ престоломъ его девять книгъ черной премудрости. Солейманъ остался чистъ и невредимъ, но книги эти впослѣдствіи сгубили не одну правовѣрную душу, и этотъ джехудъ или сагдіанъ

какимъ–то случаемъ воспользовался сатанинскими книгами и творилъ чудеса неимовѣрныя. Онъ отуманивалъ чувства правовѣрныхъ до того, что заводилъ иногда цѣлую толпу богомольцевъ, идущихъ послушно на зовъ голосистаго азанчи, заводилъ ихъ, говорю, вмѣсто мечети, въ синагогу или въ капище — и радовался въ адской душѣ своей, когда строгій кади справедливаго калифа отщитывалъ всѣмъ имъ въ пятки по сотнѣ палей на брата; онъ, чернокнижникъ этотъ, зналъ и гадалъ будущее и прошедшее, но онъ не былъ всевѣдущъ, а дѣлалъ это посредствомъ сатанинскаго знанія своего и употреблялъ на заклятія свои, какъ увѣрялъ народъ, кровь правовѣрныхъ. Толпа роптала громогласно, жалобы дошли до калифа, и Гарунъ–аль–Рашидъ, по обыкновенію своему, хотѣлъ самъ извѣдать справедливость молвы, которой не вѣрилъ.

Знахарь жилъ въ садахъ, среди виноградниковъ, въ тѣни богатыхъ и роскошныхъ плодовыхъ деревъ, въ значительномъ отъ столицы разстояніи.

Калифъ вышелъ изъ потаенныхъ дверецъ замка своего, когда ясный и прохладный вечеръ заступилъ, по соизволенію чернокнижника, мѣсто знойнаго дня, и мощный повелитель побрелъ невидимкою въ простомъ кафтанѣ и небогатой чалмѣ, по заглохшему пути, проторенному прежними жителями обширной загородной дачи, гдѣ нынѣ засѣлъ, словно филинъ, знахарь нашъ, который пѣшій не хаживалъ въ столицу, гдѣ бывалъ вообще очень рѣдко, а прилеталъ туда, сидя, поджавъ ноги, на черномъ крылѣ дяди сатаны.

«Если я застану его», думалъ про себя калифъ, «надъ нечистымъ дѣломъ, если онъ дѣйствительно, какъ мнѣ доносятъ, похитилъ сегодня еще мусульманина и теперь разлагаетъ его варварски на части, то не миновать ему, знахарю, казни жестокой; если же это клевета, безсильная злоба завистниковъ, какъ это часто въ мірѣ случается, и джехудъ этотъ — мудрецъ и честный, любознательный мужъ, тогда...»

При этомъ словѣ мыслей своихъ калифъ, который, подошедши уже къ

самому жилью сагдіанца, увидѣлъ свѣтъ, и слѣдуя ему, шелъ прямо, и ослѣпленный блескомъ огня, не видалъ, что дѣлается у него подъ ногами, — упалъ, осунувшись по крутому обрыву, въ глубокую яму, гдѣ нашелъ еще нѣсколько товарищей бѣдствія. Всѣ они сидѣли и ждали неминуемой гибели; волхвъ рѣзалъ ихъ, какъ барановъ, ежедневно по одному, крошилъ и ѣлъ, какъ увѣряли одни; клалъ въ кубъ и перегонялъ, какъ говорили другіе; кормилъ псовъ своихъ, какъ думали третьи; словомъ, всѣ согласны были въ томъ, что имъ ножа не миновать, и даже всѣ знали очередь свою: чернокнижникъ вынималъ и рѣзалъ ихъ всѣхъ въ томъ порядкѣ, день–за–день, какъ они падали въ ловушку. Тутъ было, кромѣ калифа, четыре человѣка; и такъ — ему оставалось еще четыре дня сроку.

Калифъ, повелитель полъ–міра, — въ рукахъ у человѣкоядца, въ нечистой ямѣ, безъ помощи и безъ пособія... Утромъ еще калифъ, а къ ночи — сайга въ капканѣ, ожидающая вѣрной смерти отъ ножа... Это заставитъ призадуматься хоть кого, а

самого калифа и подавно. Отъ скуки и съ отчаянія калифъ, сидя на соломенномъ одрѣ своемъ, перебиралъ въ пальцахъ соломенки, одну за другою, — и вдругъ мысль, какъ молнія, сверкнула въ головѣ его.

Онъ выбралъ лучшія и длиннѣйшія соломенки, сложилъ ихъ по порядку, сталъ переплетать другими — и, въ теченіе четырехъ сутокъ, кратковременнаго срока жизни своей — совершилъ вещь, достойную не ремесленника, а художника. Это была цыновка, испещренная прихотливыми и удивительными узорами; невозможно было взглянуть на эту работу, не прельстившись ею; нельзя было не почувствовать въ душѣ какое–то уваженіе къ умному и искусному художнику.

Но срокъ насталъ: утро, дарованное Багдаду волхвомъ, настало, и людоѣдъ явился со всѣмъ ожесточеніемъ своимъ за четвертою жертвою: прочіе были уже, поочередно, заколоты, въ глазахъ калифа.

«Стой!» сказалъ калифъ, заклиная убійцу своего, «стой, и дай мнѣ вымолвить

два слова: Я твой, и рукъ твоихъ не миную; но вотъ вещь, которую я сдѣлалъ, чтобы купить у тебя еще одинъ день покаянія; я грѣшникъ, какъ всѣ мы, и жажду обѣтованнаго рая, какъ и всѣ. Возьми цыновку эту и отнеси ее ко двору, къ визирю, къ казнодару, онъ несомнѣнно купитъ ее для великаго калифа, и дастъ тебѣ большія деньги: работа, ты видишь самъ, не буднишняя, и чего нибудь да стоитъ, а мнѣ дай за это сутки сроку.»

Чернокнижникъ прельстился этимъ предложеніемъ: и кого не смутитъ, не прельститъ золото?

Спрягайте глаголы эти со всѣми возможными личными мѣстоименіями и на всѣхъ извѣстныхъ языкахъ, во всѣхъ залогахъ, временахъ, числахъ и лицахъ — и вы увидите, что всякаго можно смутить и прельстить, было–бы только чѣмъ!

И такъ, чернокнижникъ нашъ, принявъ личину бѣднаго ремесленника, понесъ цыновку въ столицу, ко двору калифа, а узнику своему далъ еще день сроку. Визирь принялъ художественное

произведенiе съ уваженiемъ и со вниманiемъ; — такъ училъ его въ былое время самъ калифъ, который теперь пропадалъ уже четверы сутки безъ вѣсти. Визирь принялъ поданную ему цыновку, разглядывалъ ее съ любопытствомъ и тщательно всматривался въ кудрявые и причудливые узоры ткани, и вдругъ прочиталъ: «Я, калифъ Гарунъ–аль–Рашидъ, сижу въ неволѣ у невѣрнаго жида, который продаетъ визирю мою работу; — если я не буду спасенъ сегодня, то завтра меня не найдутъ въ живыхъ.»

Нужно–ли вамъ говорить конецъ? Чернокнижника схватили, и чтобы онъ не ушелъ посредствомъ тайной, нечистой науки своей, сожгли его на мѣстѣ; калифа отыскали, освободили, при громогласномъ и оглушительномъ ликованiи народа, принесли на рукахъ въ столицу и посадили на престолъ; а первый ферманъ, изданный воскресшимъ и воцарившимся калифомъ, состоялъ въ томъ, чтобы всѣ безъ исключенiя вельможи обширнаго царства его, обучали дѣтей своихъ какому–нибудь

ремеслу или художеству.